

Г. К. Вернер
ЕНИСЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Под общим названием «енисейцы» енисейские народности (арины, ассаны, кеты, котты, пумпоколы и юги) были впервые объединены Й. Клапротом в 1823 г., хотя бесспорные доказательства их родства по языковым данным были приведены М. А. Кастреном лишь в середине XIX в. Он же впервые использовал термин «енисейский» для обозначения языков этих народностей; так, язык кетов и югов назван у него енисейско-остяцким. Для обозначения всей семьи енисейских языков (Е.я.) термин окончательно закрепился лишь в 1950–1960-х гг. Выбор термина обусловлен тем, что исторически данные языки засвидетельствованы главным образом в бассейне Среднего и Верхнего Енисея.

Название «кеты» (и соответственно «кетский») происходит от слова *keʔt* 'человек'. Оно вошло в обиход лишь при советской власти; раньше кетов и югов по аналогии с хантами и селькупам называли остяками. Некоторые кеты и юги, особенно представители старшего поколения, до сих пор называют себя *ostygyn* 'остяки'.

2. К середине XX в. сохранилось лишь два енисейских языка — кетский и югский. Кетский распространен по Енисею и его притокам от р. Подкаменной Тунгуски на юге до р. Курейки на севере. Наибольшее число кетов сохранилось в пос. Суломай (р. Подкаменная Тунгуска) и пос. Келлог (р. Елогуй).

Югский язык находится на грани полного исчезновения. В свое время его диалекты были распространены от г. Енисейска на юге до с. Ворогова на севере. Кроме того, установлено, что часть югов проживала в прошлом в верховье Кети (правого притока Оби). В настоящее время сохранилось лишь несколько семей югов в с. Ярцеве и с. Ворогове на Енисее, которые родным языком уже не пользуются.

В первой половине XVIII в. были еще распространены следующие Е.я.: аринский — к северу от г. Красноярска, ассанский и коттский — к югу от Красноярска, восточнее Енисея до Кана, пумпокольский — в верховье Кети. Есть основания предполагать, что на некоторых других Е.я. (или диалектах) еще говорили в это время некоторые группы бачатских телеутов (ашкиштимов) и койбалов (койбалкиштимов). Все эти Е.я. исчезли в XVIII в., кроме коттского, который сохранился в живом употреблении до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном в с. Агульском на р. Агул.

Е.я. XVIII в. не исчезли бесследно; материалы по этим языкам дошли до нас в виде немецко-енисейских или латинско-енисейских словариков, составленных исследователями XVIII в. (Д. Г. Мессершмидтом, П. И. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, Е. И. Фишером, П. С. Палласом), которые во время своих путешествий по Сибири работали и среди енисейцев. В настоящее время эти материалы стали достоянием науки благодаря обобщающей публикации А. П. Дульзона. Бесценный материал по коттскому языку собрал и опубликовал в середине XIX в. М. А. Кастрен.

Сведения о распространении Е.я. в прошлом в Сибири дает нам другой источник — енисейская топонимия, тщательно исследованная А. П. Дульзоном. Установлено, что кетско-югские гидронимы на *-sez*, *-ziz* (кет., югск. *sez* 'река'), кроме уже указанных областей расселения кетов и югов, встречаются в значительном количестве на р. Кети,

р. Тыме, в верховьях р. Ваха, на р. Васюгане (левом притоке Оби), на Иртыше, особенно на его правых притоках — Демьянке, Уе, Шише, Туе, Таре, а также в бассейне р. Томи, на территории Хакасии и в Северной Туве. Пумпокольские гидронимы на *-tet* (**tet* 'река') тоже занимают значительную территорию, а именно: верховье Кети, бассейн Чулыма ниже г. Асина, а отдельные названия этого типа уходят цепочкой на юг и юго-восток вплоть до Северо-Восточной Тувы. Аринские гидронимы на *-set*, *-sat* (*sat* 'река') плотно представлены в бассейне Средней Оби, в частности, на Кети, Чижалке и Чае; довольно широко распространены и аринские гидронимы на *-kul* (*kul* 'вода, река'). В междуречье Кана и Бирюсы распространены коттские гидронимы на *-šet* (*šet* 'река'). Небольшой ареал этих же гидронимов находится западнее Томи. Ассанские гидронимы на *-ul* (*ul* 'река, вода') занимают довольно обширный ареал, растянувшийся от Кана на востоке до бассейна Томи на западе.

Все Е.я. (кроме кетского) бесписьменны. Есть, правда, предположение, что древние енисейцы могли иметь письменность, поскольку ко времени возникновения орхон-енисейской письменности они находились в районе ее создания, но это предположение пока не подтверждено конкретными фактами.

3. О числе говоривших на мертвых Е.я. точных сведений не сохранилось; современных кетов и югов, по данным переписи населения СССР 1989 г., насчитывается 1113 человек, причем югов осталось не более 15–20 человек; из них родным языком практически никто не владеет.

4. Е.я. образуют совершенно изолированную в генетическом отношении семью. О предполагаемых древних генетических связях енисейцев и их языков выдвинут целый ряд гипотез, которые основываются главным образом на сравнении данных кетского (отчасти коттского) языка с языками Юго-Восточной Азии, баскским, северо-кавказскими, сино-тибетскими, индейскими, бурушаски, ностратическими и т. д. (М. А. Кастрен, Й. Бэрн, Г. Рамстедт, А. Тромбетти, К. Доннер, Г. Коллинз, М. Деникер, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Г. Богораз, С. И. Вайнштейн, Р. В. Николаев, Н. Я. Марр, О. Г. Тайёр, А. П. Дульзон, Л. Лигети, Э. Г. Паллиблэнк, С. А. Старостин).

Не все наблюдающиеся лексические параллели с другими языками можно возводить к определенной эпохе и определенной группе языков. Не исключено, например, что некоторые очень древние заимствования восходят к общеностратической эпохе. В этом плане можно рассматривать некоторые енисейские грамматические показатели местоименного происхождения, например, исходные указательные слова с огласовкой *i* 'этот' (ближний), *u* 'этот' (подалеже), *a* 'тот' (дальний), точно совпадающие в Е.я. и в реконструированном праностратическом языковом состоянии, а также материальную близость некоторых элементов в структуре личных местоимений. Наблюдается и значительное количество енисейско-ностратических лексических параллелей. Отмечаются также словарные общности между Е.я. и северо-кавказскими, Е.я. и сино-тибетскими языками.

Однако в условиях отсутствия хотя бы предварительных общенисейских реконструкций, в частности в области фонетики и лексики, а также без ретроспективного снятия различных наслоений субстратного и/или суперстратного характера как результата длительных исторических контактов Е.я. с языками других генетических групп, все выдвинутые гипотезы не могут быть подкреплены надежными языковыми фактами. Исключением в этом отношении является лишь гипотеза С. А. Старостина (1984). Кроме того, решение таких сложных проблем требует комплексного подхода с использованием данных смежных наук — истории, археологии, этнографии, антропологии, мифоло-

тии и т. д.; построения, основывающиеся лишь на лингвистических и — уже — лексических материалах, всегда будут оставаться в области гипотез. Не исключено, что Е.я., как и некоторые другие изолированные языки (бурушаски, эламский и др.), представляют собой островок так называемого «палеоевразийского» субстрата, который следует возводить непосредственно к архаическому языковому состоянию древней Центральной Азии.

Вопросы членения енисейской языковой общности не нашли пока однозначного решения. У некоторых исследователей продолжает вызывать сомнения статус ассанского, пумпокольского и югского как самостоятельных Е.я.

По сохранившимся материалам XVIII в. коттский и ассанский языки очень близки друг другу, что как раз и служит порой основанием для их объединения в один ассано-коттский язык. Однако четко отграниченные друг от друга ареалы ассанских и коттских гидронимов, различия в фонетике, лексике и грамматике заставляют рассматривать их как два самостоятельных енисейских языка, образующих ассано-коттскую группу. Кроме того, исторические источники позволяют предполагать, что ассаны и котты сами себя осознавали как разные народности и осознавались таковыми со стороны своих соседей.

Несколько сложнее вопрос о пумпокольском языке. По мнению О. Тайёра, его следует рассматривать как диалект кетского языка. Этот вывод основан на анализе материалов XVIII в. с пометой «пумпокольский», но без учета того, что большая часть этих материалов, полностью идентичная соответствующим югским и кетским словам, в действительности не имеет никакого отношения к пумпокольскому языку. Дело в том, что помета «пумпокольский» носила часто не языковой, а территориальный характер, т. е. указывала на то, что соответствующее слово было записано в пумпокольской («остяцкой») волости, а в этой волости (в верховье Кети) пумпоколы жили вперемешку с югами. И если сделать строгий отбор исконно пумпокольской лексики (с учетом отмеченного факта), то оказывается, что она более всего сближается с лексикой аринского, но не югского или кетского языков. Близость этих двух языков, которые, очевидно, образовывали арино-пумпокольскую группу в составе енисейской языковой общности, обнаруживается, например:

(1) в наличии общих слов, которые отсутствуют в других Е.я. (ср. слова для «брат», «веревка», «голова», «дева», «камень» и др. в материалах XVIII в.);

(2) в фонетических особенностях, отличающих эти два языка от других Е.я., а именно: а) сохранении инициальных согласных арин. *k*, пумп. *h*, например: арин. *kina*, пумп. *hineag* при асс. *una*, ин'е. *in'a*, кет. *unat*, югск. *une* 'два'; б) наличии синкопы, которой нет в других Е.я.: арин. *t'a:ma*, пумп. *tat-xo*, асс., кот. *tegama*, кет. *tagum* 'белый'; в) одинаковых соответствиях в вокализме: арин. *atie*, пумп. *atodu*, асс. *editu*, *etitu*, кот. *edim*, кет. *eddi*, югск. *e:tedu* 'живой'; арин. *raj*, пумп. *baj*, асс. *pej*, кот. *pej*, кет., югск. *bej* 'ветер'; арин. *pieg*, *peg*, пумп. *biŋ*, асс., кот. *paŋ*, кет., югск. *baʔŋ* 'земля';

(3) в наличии смежных ареалов гидронимов в междуречье Енисея и Оби.

Конечно, различия между аринским и пумпокольским более существенны, чем различия между ассанским и коттским языками; тем не менее, у них наблюдаются специфические особенности, по которым они оба отличаются от других Е.я. и которые позволяют выделить их в особую группу.

Со времен М. А. Кастрена югский язык рассматривался как сымский диалект кетского языка. Эта точка зрения господствовала до 1960-х гг., когда новейшие исследования по югам и их языку заставили абсолютное большинство исследователей, в том числе

Е. А. Крейновича и, видимо, А. П. Дульзона отказаться от традиционного взгляда и признать язык югов самостоятельным енисейским языком. Новая точка зрения на язык «сымских кетов» (т. е. югов) основывается не только на существенных различиях в фонетике, грамматическом строе и лексике двух языков — кетского и югского, — почти исключающих взаимопонимание их носителей, но и на фактах культурно-исторического порядка: наличие у этих двух народов разных самоназваний (*keʔt* и *juʔk*); существование представления у них друг о друге как о разных народах, что, кстати, отражено и в мифологии, в частности, в мифе о гибели югов; различия в этноисторическом плане и т. д. Следовательно, два эти языка образуют кетско-югскую группу.

В целом можно, таким образом, исходить из следующего членения енисейской языковой семьи: (1) ассано-коттская группа языков (ассанский и коттский языки); (2) арино-пумпокольская группа языков (аринский и пумпокольский языки); (3) кетско-югская группа (кетский и югский языки).

5. Хронология разделения общеенисейского праязыка на указанные группы языков, а групп — на отдельные языки, требует специальных исследований. В этой области имеется пока только одна работа М. М. Костякова, которая основывается на лексикостатистических данных, полученных по методу М. Сводеша. Анализу подвергнута лексика коттского, кетского и югского языков, словарь которых представлен наиболее полно. По полученным результатам коттский язык отделился от кетского и югского более 2000 лет тому назад (период активизации гуннов в Центральной Азии), а кетский от югского — менее одного тысячелетия. Несмотря на условный и приблизительный характер этих данных, они несут все же известную объективную информацию о хронологии разделения общеенисейского языка.

6. Типичные фонетико-грамматические характеристики.

Фонетика

По своему консонантному коэффициенту (югский язык — 1,27, кетский язык — 1,29), но особенно по высокой частотности переднеязычных шумных смычных и аффрикат (югский язык — 16%, кетский — более 14%) Е.я. отличаются от окружающих языков, хотя по другим фоностатистическим данным обнаруживают поразительное сходство с ними.

Различие между кетским и югским языками объясняется ротацизмом $d > r$, $r' > r$ в интервокальной позиции. Можно также предполагать спирантизацию $d, t > s$, $\dot{s}, j$, если учесть межъязыковые соответствия $t : s, \dot{s}; d : j, \emptyset$. В Е.я. исторически засвидетельствовано пять рядов шумных смычных — лабиальный, дентальный, палатальный, велярный, увулярный. К общим ареальным особенностям данного региона можно также приписать ларингализацию-фарингализацию.

Из других особенностей енисейского консонантизма следует выделить следующие две тенденции: а) к устранению скоплений согласных в начале и конце слогов (кроме двусогласных стыков слогов внутри слов); б) к разграничению финалей и инициалей: так, за известными исключениями, согласные r, l, m, n, η, j встречаются только в исходе слогов; b, d, g, p^h, t^h — в начале слогов (звонкие чаще внутри слов).

Для енисейского вокализма характерны четыре ступени подъема языка и наличие чередований аблаутного характера. Обе эти особенности исторически связаны со слоговой акцентуацией (слоговыми тонами), которая резко отличает Е.я. от окружающих, в которых в свою очередь представлена гармония гласных, отсутствующая в Е.я.

В Е.я. широко используются слоговые тоновые оппозиции для дифференциации лексических единиц и форм числа имени, например: юж.-кет. ¹*s'u:l* 'кровь', ²*s'u:l* 'нелма', ³*s'u:l* 'нарта', ⁴*s'u:l* 'крюк для детской люльки'; югск. ¹*tar* 'обруч', мн. ч. ⁴*ta:p*.

Морфология

Формальные способы выражения грамматических значений в Е.я. типологически весьма своеобразны. По строению глагольных и именных словоформ Е.я. являются языками агглютинативного типа; в их морфологии представлена и суффиксация, и префиксация, и инфиксация, хотя эти приемы и варьируют от языка к языку. Так, в кетско-югской группе наблюдается, как правило, префиксация лично-субъектных глагольных показателей (югск. *d-uragu²ŋ* 'я мою', *k-uragu²ŋ* 'ты моешь', *d-uragu²ŋ* 'он моет', *da-uragu²ŋ* 'она моет', *d-uraguŋŋ* 'мы моем', *k-uraguŋŋ* 'вы моете', *d-uraguŋŋ* 'они моют'), тогда как в других Е.я. преобладает в соответствующих случаях суффиксация (кот. *urka:k-ŋ* 'мою я', *urka:k-u* 'моешь ты', *urka:k* 'моет она/он', *urka:g-an-toŋ* 'моем мы', *urka:g-an-oŋ* 'моете вы', *urka:g-an* 'моют они'). Иногда к первому типу причисляют пумпокольский язык, опираясь при этом на анализ югских форм, включенных ошибочно в пумпокольский словарь; ср., однако, парадигму пумпокольского глагола 'стоять', приводимую А. П. Дульзоном.

Несмотря на довольно развитую морфологию (система склонения и глагольного спряжения), Е.я. характеризуются известной размытостью границ между традиционно выделяемыми частями речи. В случаях типа югск. *i²r* 'песня', 'петь', 'певчий' целесообразней поэтому говорить не об омонимии в обычном смысле, а об исходном синкретизме, когда подобные слова-синкреты трудно строго соотнести с традиционно выделяемыми кардинальными частями речи — существительными, глаголами, прилагательными, наречиями. Отсутствие четкого отграничения существительных от прилагательных и глаголов, глаголов от прилагательных, прилагательных от наречий — характерная особенность Е.я. Основываясь на фактах котского языка, М. А. Кастрен писал, что поскольку все корневые слова являются, собственно, субстантивами, то именно субстантивность является исконным значением котских знаменательных слов. Енисейское слово соотносится с той или иной традиционной частью речи лишь в зависимости от своей функциональной характеристики в предложении и соответствующей морфологической оформленности; сравним следующие примеры: югск. *ures* 'дождь', *tuda urezdaŋ* 'это к дождю', *urači* 'дождь идет', *uro:rči* 'дождь шел'; кот. *hama: het* 'хороший человек', *hama:-taŋ* 'я хороший', *hama²ata:ky* 'я его люблю'; югск. *xe² dyl* 'большой ребенок', *bu xe:s* 'он начальник' (букв. 'большой'), *xe:di:je* 'я расту'; югск. *ta:p* 'дома', *xa:bdi* 'я дома', *di-xa:psax* 'я захожу (домой)'; югск. *da²x* 'жить', 'жизнь', *dya-dx* 'я живу', *do:r-dx* 'я жил'; кет. *do²n* 'нож', *do²n dibbet* ~ *dons'ivit* 'я нож делаю'.

Наиболее легко категориальная принадлежность, несомненно, устанавливается у енисейских субстантивов, потому что, кроме всего прочего, они охвачены четкой именной классификацией; каждое существительное обязательно относится к одному из трех классов — мужскому, женскому или вещному. За этой именной классификацией просматривается четкая оппозиция «одушевленный/неодушевленный» («активный/инактивный»), хотя сохранились и реликты более дробной классификации именной лексики в древности. Любопытно, что огромное число русских заимствований в современном кетском и югском языках, как правило, меняют свои родовые характе-

ристики в соответствии с семантическими основаниями классификации исконно енисейской именной лексики этих языков. Классная система пронизывает в Е.я. всю морфологию имени и глагола. Классная принадлежность имени маркируется морфологически; хотя в структуре самого имени в форме основного падежа нет формальных классных показателей, эту информацию несут падежные показатели и грамматические форманты в структуре слов, согласующиеся с именем (глагол, местоимения, числительные, прилагательные/наречия).

В сфере имени можно в зависимости от классной принадлежности существительных говорить о женском, мужском и вещном с л о н е н и и, если учитывать парадигмы ед. и мн. числа: в ед. числе выражена оппозиция «мужской/немужской», а во мн. числе — «вещный/невещный»:

Ед. число		Мн. число	
(I) мужской	{	мужской	{
(II) немужской		женский	
		вещный	невещный (I)
			вещный (II)

Доминирующей во всей падежной системе является оппозиция «основной падеж/родительный падеж», так как все прочие падежи основываются на этих двух падежах, а именно: на родительном — дательный, местно-личный, исходный, предназначительный, а на основном — местно-пространственный, орудно-совместный, продольный, лишительный и звательный. Статус некоторых енисейских падежей неясен, так как не установлены критерии для отграничения падежных форм от послеложных конструкций, а притяжательных форм имени — от форм родительного падежа (по своему звуковому оформлению показатели родительного падежа и посессивные префиксы, как правило, совпадают).

Общие черты эволюции енисейского склонения сходны с соответствующими явлениями в ностратических языках. Так, для Е.я. реконструируется два ряда личных местоимений, обозначавших соответственно субъект состояния и субъект действия. Позднее местоимения активного ряда, обозначавшие субъект действия, переосмысливаются в формы родительного (< активного~эргативного) падежа соответствующих личных местоимений (а формы местоимений 3-го лица становятся также показателями родительного падежа имени). Дальнейшее развитие енисейского склонения связано с формализацией послелогов, с их превращением в известных случаях в падежные показатели. При этом наблюдается полная аналогия с ностратическими языками и в том, что часть послелогов сливается с именем непосредственно, а другие — с помощью посредника, формантов родительного падежа.

У енисейских личных местоимений можно отметить еще следующую важную особенность: отсутствие формы личного местоимения 3-го лица для замещения неодушевленных существительных.

Сохранились некоторые черты классной дифференциации в способах образования форм числа существительных. Так, в кетском, коттском и югском языках среди разнообразных способов образования мн. числа существительных (чередование корневых гласных, чередование согласных финалей, супплетивизм, чередование акцентуационных типов и др.) доминируют суффиксы *-n*, *-ŋ*; при этом показатель *-n* получают, как правило, одушевленные, а *-ŋ* — неодушевленные существительные, если выбор этих грамматических показателей не обусловлен иными факторами, например, фонетическими.

В системе глагольного формообразования классная дифференциация наиболее полно представлена в лично-субъектных и лично-объектных показателях 3-го лица, особенно в кетском и югском языках. Личные показатели в Е.я. представлены двумя сериями, получившими в литературе условные названия Б и Д. В кетско-югской группе показатели серии Б выступают лишь в качестве префиксов и инфиксов, а в коттском — в виде инфиксов и суффиксов (см. выше). Показатели серии Д представлены в кетско-югской группе в виде префиксов, инфиксов и суффиксов, а в коттском — только в виде суффиксов. В качестве суффиксов показатели серии Д встречаются во всех Е.я. в предикативных синтагмах типа кот. *ini* 'здесь', но *aj ini-taŋ* 'я здесь', и *ini-i* 'ты здесь', или *ini-ti* 'он здесь', *ija ini-ta* 'она здесь', *inijaŋ ini-jaŋ* 'они здесь' и т. д.; ср. кет. *aŋta-di* 'я хороший', *aŋta-yi* 'ты хороший', *aŋta-du* 'он хороший', *aŋta-da* 'она хорошая', *aŋta-t* 'это хорошее'. Собственно, в коттском и, видимо, в других исчезнувших Е.я. показатели серии Д представлены только как предикативные суффиксы.

Глагольная система в Е.я. необычайно сложна. Даже в кетском и югском языках, несмотря на накопленный огромный материал, до сих пор практически не выявлены все типы глагольного спряжения, так как любой новый глагол в речи кетов и югов может неожиданно продемонстрировать свою особую структуру. Число словоформ у переходного глагола может достигать нескольких сот (при учете различий по лицу, числу, времени, виду и т. д.).

Другая особенность енисейских глагольных форм состоит в том, что в них размыты границы, во-первых, между процессами слово- и формообразования, а во-вторых — между собственно временными и видовыми оттенками значения, и эти явления предстают скорей в виде недифференцированных образований с широкой семантикой, хотя, с другой стороны, наблюдается необычайно детализованная, конкретизированная передача способа действия. Последнее особенно характерно для глаголов, обозначающих различные виды хозяйственной деятельности или передвижения в пространстве.

С глагольными показателями Б и Д исторически связаны две серии глагольных форм. Учитывая, что показатели Б полностью совпадают с формантами родительного падежа и притяжательными префиксами, а показатели Д — с формантами, оформляющими предикативные компоненты в составе предикативных синтагм типа кот. *ŋi-p kasakti* 'сын молодой (есть)', *po-re:ča koaŋta* 'сестра красивая (есть)', можно предполагать, что показатели Б оформляли формы действия, а показатели Д — формы состояния (это, впрочем, не противоречит более поздней инновации в кетском и югском, где показатели Д часто уже переосмыслены). Таким образом, проблема показателей Б и Д оказывается тесно связанной с вопросом об исконном строе праенисейского предложения в плане контенсивной типологии (активный, эргативный или номинативный строй).

Синтаксис

Данные показывают, что активной или эргативной конструкций как таковых в Е.я. нет, но наблюдаются некоторые черты, сближающие их с языками данной типологии. В коттском языке сохранились в качестве лично-субъектных только глагольные показатели серии Б, полностью совпадающие, как уже говорилось, с формантами родительного падежа, т. е. сохранился тип посессивной конструкции, ср.: осн. *ai* 'я' — род. *aŋp*, *agaŋ'a:k* 'рубить дрова' — *agaŋ'a:kaŋ* 'рублю дрова' (но *ŋaiteaŋ* 'я хочу', букв. 'мое желание', а также *ŋa:ta* 'моя мать', *ŋor* 'мой отец' и т. д.).

В простом предложении Е.я. доминирует глагольная форма, а именные (или местоименные) члены обычно конкретизируют различные глагольные показатели. В глагольной словоформе наблюдается поэтому тенденция к отражению в ее составе всех элементов предложения, и она уже сама по себе — предложение, так как содержит указание и на субъект, и на прямой объект.

Объединение простых енисейских предложений в сложные осуществляется сочинением и подчинением. Конкретно выявлены следующие приемы организации сложных предложений: а) только посредством интонации: кет. *Haraito:polok, ala:ten* 'Он поел, он лег спать'; югск. *ʔtn sim di:souɔ:rgen, ʔnnaŋ dufyn bɔ:s'e* 'Мы бы рыбу добывали, у нас самоловов нет'; б) посредством союза и интонации: югск. *Askej bam dɔ:ne, abaŋ byle dɔŋ sikŋ* 'Когда умерла моя мать, мне было три года'; в) посредством падежного показателя и интонации: кет. *Assaŋ deʔŋ ɔŋn'digaɫ, ʔn ekŋ bi:mnem* 'С тех пор как охотники ушли, прошло два дня'; г) посредством служебного слова и интонации: кет. *Savɔts'i:s' tavʔot baʔŋ, ʔtn s'ɔ:ŋ duɣin* 'Где кучка вещей лежит, там мыши живут'.

Кроме русских союзов *i, da, ili* и др., употребляющихся в Е.я., отмечены лишь немногие союзы, восходящие к енисейским наречиям или послелогам, и выделение исконно енисейских союзов в общекатегориальном плане весьма проблематично. При оформлении сложных предложений употреблялись не союзы, а морфологические материальные средства; но основная масса енисейских сложных предложений характеризовалась вообще отсутствием каких-либо специальных материальных связующих элементов (признак довольно позднего происхождения енисейского гипотаксиса вообще). Первыми признаками гипотаксиса можно считать присоединение специальных морфологических показателей связи между частями сложного предложения к словоформе зависимого предиката.

Лексика

Наиболее поздними иноязычными элементами в Е.я., несомненно, являются русские; их особенно много в современных языках — кетском и югском, слова из общественно-политической, административно-хозяйственной, культурной и бытовой областей свободно заимствуются.

Важное место занимают заимствования из соседних уральских и алтайских языков, проникновение которых в Е.я. началось в глубокой древности и продолжается в известной мере до сих пор, если учесть современные кетско-селькупские и кетско-эвенкийские контакты (смешанные браки, совместная хозяйственная деятельность, совместное проживание и т. д.).

Из наиболее характерных особенностей организации лексики Е.я. следует отметить следующие.

1) Случай лексической недифференцированности слов как результат нерасчлененного отображения енисейским языковым сознанием соответствующих понятий (кет. югск. *beʔp* 'зять, дядя, муж старшей сестры'; *biʔer* 'брат, сестра'). Как уже отмечалось, эту особенность Е.я. наглядно иллюстрируют примеры синкретизма частей речи типа кет. *kaɫ*, югск. *ka:r* 'война, битва, сражение, бой, воевать, военный, боевой и т. д.'. Эти явления трудно поддаются определению их как случаев омонимии либо полисемии (типа югск. *ɬer* 'дед', 'луна').

2) Обратные случаи — чересчур дробная лексическая дифференциация слов, что выражается в отсутствии общеродовых понятий при наличии целого ряда видовых, наприм-

мер: кет. *his'* 'хвост птицы', *hodap* 'хвост рыбы', *hul* 'хвост животного'; югск. *beʔi* 'снег, падающий хлопьями', *tik* 'снежный покров на земле', *txru!* 'снег на ветвях деревьев' и т. д.

3) Слабое развитие словообразования. Отсутствие продуктивных деривационных аффиксов компенсируется в значительной мере различными полуаффиксами, возникшими на основе широкого распространения определительного словосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ, 1974, № 1.
- Вернер Г. К. Сравнительная фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
- Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Костяков М. М. Время расхождения кетского и котского языков по данным лексикостатистики // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979.
- Поляков В. А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987.
- Поротова Т. И. Категория множественности в енисейских языках. Томск, 1990.
- Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Bouda K. Die Sprache der Jenissejer // *Anthropos*, 1957, 52.
- Castren M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.
- Tailleur O. G. Contribution à la dialectologie iénisséenne: les parlers denka et poumpokolsk // *Communication et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale*. Louvain, 1964.
- Tailleur O. G. Traits paléo-eurasiens de la morphologie iénisséenne // *Études finno-ougriennes*, Paris, 1994, t. XXVI.
- Werner H. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1994.
- Werner H. Vergleichende Akzentologie der Jenissej-Sprachen (в печати).
- Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995.

Г. К. Вернер

КЕТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Кетский язык (К.я.) — это язык самой северной енисейской народности — кетов, сохранившейся до настоящего времени в Туруханском и отчасти Байkitском районах Красноярского края. Название народности происходит от слова *keʔi* 'человек'. Раньше кетов называли енисейскими остяками (в отличие от селькупов и хантов, которых называли обскими остяками), а К.я., соответственно, енисейско-остяцким.